

Джина ЛОЛЛОБРИДЖИДА:

“Я убежала из глухих замков”

— Вы приехали в Москву спустя долгих тридцать лет. Все в мире за такое время меняется. Про нашу страну я даже и не говорю, мы сами мало что понимаем и про себя, и про свое кино. И, наверное, у многих впечатление, что связь времен разорвана и потеряна. Я, конечно же, очень хотела с вами встретиться, однако не знаю, о чем вас спросить. Ну не задавать же вам вопрос, каковы ваши впечатления о России, куда вы приехали спустя столько лет?

— Почему? По-моему, совершенно нормальный вопрос. Тем более, что за простотой формулировки скрыто многое. И потом на самом деле все, кто задает этот вопрос, а он, естественно, главенствующий среди прочих и традиционный, вовсе и не интересуются ответом. Никого не хочется обижать, но у людей, задающих такой вопрос, совершенно пустые глаза. Наверное, это нормально, потому что у профессии журналиста, как и у профессии актера, — определенная цель. Информация. Не так важно какая! Я никого не обидела?

— Нет. Но скажите мне, пожалуйста, а какая цель у профессии — актер? Вроде тоже вопрос новизной не блещет, зато никто, наверное, вам его не задавал, скорее всего по причине глупости вопроса.

— Да, странно. Хотя отвечала на похожее кучей банальностей. Видите, не замечаю соринку в собственном глазу! Да, к сожалению, актер склонен к банальностям. Даже самый хороший. Какая же цель у актера? Я не знаю. Какая цель у меня? Какой она была? Видимо, нужно это прибавить, ибо все действительно в прошлом. Во всяком случае, лучшее — в прошлом. Это похоже на кокетство?

— Я не знаю.

— Хорошо, давайте я буду отвечать на вопросы последовательно. Да? Каждый будет заниматься своим делом.

— Давайте попробуем.

— Итак, какая цель у человека моей профессии? С детства пытаюсь найти средство против одиночества. Многие пытаются сохранить красоту. Я никогда особо не пыталась. А вот одиночества опасалась. Повторяю, с детства. Хотя повода вроде бы не было. Дверь, изнутри запертая на ключ, пугала меня больше, чем самая страшная сказка. Запертая комната, из которой не выйти, не выпрыгнуть, потому что окно высоко, а под ним — ров с водой.

— Но одиночество ведь бывает желанным.

— Вы это серьезно?

— Вполне.

— Не знаю, для меня оно всегда представлялось насмешкой природы. Заточение в башне, окруженной розами и мужчинами. (Смеется.) Нет, я до сих пор не могу оставаться в комнате одна больше пятнадцати минут. И знаете почему? Страх мой сродни суеверному. Я думаю, что останься я в пустой комнате наедине с собой еще на минуту, что-то произойдет. Что-то непоправимое. Я опасаясь пустынных дворов, глухих лесов, гулких замков. Не потому, что в их лабиринтах скрываются маньяки и призраки. Все материальное не внушает мне серьезного опасения.

— Призраки — тоже материальная сила?

— А? (Смеется.) Во всяком случае их можно увидеть, не придирайтесь к словам. Сколько раз я с криком выбегала из пустой комнаты. Думала — еще только минута отделяет меня от глухого звука замка навечно закрывающейся двери. Мне нужно было все время быть с кем-то, пусть этот кто-то оказывался совсем несуществующим человеком. Он для меня был лучше одиночества. Это портило жизнь, но продлеvalo ее тем не менее.

— Такая странная детская боязнь?

— Нет, то есть когда-то казалось, что именно детская. То есть не мне, а моим родителям. Потом стало ясно, что на этот страх я обречена.

— Это похоже на манию?

— Да, именно. Конечно, вовсе не из-за мании я отправилась учиться в театральную школу. Это было невероятно модно, и давало возможность найти интеллигентное применение своим внешним данным. Немаловажно для молодой девушки. Не

просто удачно выйти замуж и вертеться в избранном кругу, а показаться миру. Моя профессия — гораздо более достойная попытка стать известной, чем бесконечная смена романов, не правда ли?

— Вероятно, мадам.

— Конечно, я была уверена, что мир падет у моих ног.

— Так в сущности и вышло.

— Нет, вышло по-другому, это невозможно предугадать в двадцать лет. Мир настолько стар, настолько ко всему привыкший, так от всего уставший, что ему не до молодой красотки. Он отдаст должное ее прелестям, ее таланту... Иногда мне кажется, впрочем, что приличия ради отдаст. Но это неважно, подобные размышления хороши для разменявших шестой десяток. Я ушла в актрисы, потому что хороша и отлично читала басни. Я оказалась таким классным муравьем у Лафонтена! Я так правдиво изображала нравоучителя, лучше Епископа! Никогда больше в жизни мне не пришлось морализировать с такой страстью! В общем для молодой актрисы я оказалась годной. И только спустя десятилетия, поняла, что дело не в баснях — я бежала от одиночества. Убежала по

гулким лестницам — прочь из замка, который собирался заточить меня на всю жизнь. Я не придумываю. До сих пор мороз по коже, вы полагаете, можно привыкнуть ко всему, в том числе и к детским страхам? Нет, это гораздо более вечное, чем любовь.

— Но она-то ведь существует?

— Я не знаю наверняка.

— Не знаете?

— Не знаю. Сейчас не знаю. Лет тридцать назад знала. Только почему-то тогда никому не приходило в голову спросить меня об этом. Наверное, полагали, что я сочту вопрос нелепым. Не знаю, любовь — это любовь. Что тут прибавить. Может быть, ее и не существует. Но это совершенно неважно. Она делает свое дело.

— В каком смысле?

— Ну в самом прямом, вероятно, от любви бывают дети. Это вещь известная. И это стоит всего, в том числе любви.

— Вот вам способ навсегда избавиться от страха одиночества, от гулких коридоров и хлопающих замков.

— Нет, на долгое время, да, но не навсегда. Одиночество — неизбежно. Дети вырастают, любимые животные умирают.

Можно, конечно, завести других, но нет. Вечное убежание от самого себя приведет в прежнее место — в точку отсчета. О любви мы поговорили?

— Довольно быстро исчерпалась тема.

— Да нет. Она, конечно же, неисчерпаема, просто мне уже скучновато про это рассказывать. Я, кстати, думала недавно, о чем бы хотелось поговорить. Воображала себя такой речистой, умной, сражающей журналистов наповал. Не о чем говорить. Они уверены, что у меня только одно занятие — напоминать о себе. Я не могу их осуждать.

— Вы признаетесь в том, что они правы?

— И да, и нет. В чем-то, конечно, правы. Однако, полагаю, что в этом нет большого преступления — в конце концов все актеры таковы. Даже самые молодые. Молодые, может, в большей степени, поскольку у них жизнь впереди. А когда впереди уже нечто другое — что-то вроде дороги, покрытой жесткими листьями лавра... Которые, чем дальше, тем больше редеют... О чем я говорила?

— О том, что все актеры стараются напомнить о себе, даже самые молодые.

— Да, это совершенно точно. Видели бы вы, как я крутилась в молодости перед камерой! Я и Брижит Бардо. Нам равных не было, теперь вот видите — она в Сан-Тропе разводит коз и говорит, что настоящее ее не интересует. Я преклоняюсь, но не верю ни одному ее слову. Верю лишь в необыкновенную твердость ее характера. Я бы не смогла так уйти. С другой стороны, видите, она не боится одиночества. А я боюсь.

— Вы подруги?

— Нет, конечно. Разве мы можем быть подругами? Просто коллеги, приятельницы, вместе сплетничали. Довольно искренние были отношения.

— И все-таки, зачем вы приехали на фестиваль?

— Ну, были на то более важные причины, чем просто бегство от одиночества (смеется). Вроде бы был разговор о том, что могут появиться интересные проекты, роли. Ведь в общем, что бы кто ни говорил, но актер должен заниматься своим делом. Тем более, что я ничего больше не умею.

— Вас разочаровала Москва?

— Нет, я ничего особенного не ждала, смешно ожидать такого же приема, как тридцать лет назад! Вы правильно сказали, за это время мир изменился — пришли другие кумиры, а моя дорога в никуда покрытая лаврами сузилась, и листья поредели. Это нормально. Видите, все говорят про Софи Марсо!

— Она вам нравится?

— Я не очень уверена, что понимаю современную жизнь и современное кино. И я мало, что смотрю. Я думаю даже, что потихоньку начинаю изменять профессии, но вряд ли меня в этом можно винить, профессия сама захотела.

— Вы сказали, что ничего не умеете делать, тем не менее, по слухам, вы мечтаете о создании собственного музея скульптуры?

— Кто это вам сказал такую глупость?

— В газете прочитала?

— В русской газете?

— Конечно.

— Ну, русские, так же как и итальянцы, склонны гипертрофировать события. Судя по всему, из меня делают Огюста Родена. Нет, я согласна соответствовать, но лучше бы из меня делали Джину Лоллобриджицу. Я довольно способна, и когда мне захотелось заняться скульптурой, я взяла кусок глины и почувствовала, что мы знакомы. Но до музея все-таки вряд ли дойдет дело.

— Что вы лепите?

— Что леплю? Все подряд. Нет, не все подряд. Нечто из своего прошлого.

— Вам вручили приз — статуэтку Святого Георгия за прекрасную судьбу в искусстве...

— Да, это было очень трогательно. Но знаете, такие формулировки немного меня пугают. Как заявки на собрания сочинения великих писателей. Что-то в этом есть от венка.

— Венка? Какого венка?

— Ну того самого...

Экспресс-интервью
— 6.13

76